

Ф. К. Шлоссер

Всемирная история

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф. К. Шлоссер

Ф11 Всемирная история: Том 1 / Ф. К. Шлоссер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 782 с.

ISBN 978-5-458-05279-5

«Всемирная история» — знаменитый фундаментальный труд немецкого ученого Фридриха Кристофа Шлоссера представляет собой синтез его специальных исследований и университетских курсов. Описываемый период доведен до 1815 года. «Всемирная история» Шлоссера сыграла заметную роль в истории развития общественной мысли в России. В переводе на русский язык и популяризации его трудов принимал деятельное участие Н. Г. Чернышевский. Следует обратить внимание на то, что русский перевод Шлоссера содержит цензурные пропуски, обозначенные отточиями, (особенно в главах, посвященных России), а также искажения, сознательно внесенные самим Чернышевским с целью смягчить или, наоборот, усилить некоторые оценки автора.

ISBN 978-5-458-05279-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА,

СОСТАВЛЕННЫЙ Г. ГЕРВИНУСОМЪ.

Еще не такъ давно смерть похитила у насъ Арндта и Дальмана въ Боннѣ; и вотъ на дняхъ, 23 сентября, за ними послѣдовалъ Фридрихъ Христопоръ Шлоссеръ на 58 году жизни (род. 17 ноября 1776 года въ Еверѣ). Этими сѣверо-германскими историками, кажется, навсегда пресѣклось въ германской духовной жизни характеристическое поколѣніе нѣмецкихъ ученыхъ, отличавшихся необыкновенно крѣпкими, какъ тѣлесными, такъ и духовными силами. Они всѣ трое жили въ бурное время, и въ ихъ литературной дѣятельности различнымъ образомъ отразился тотъ періодъ, когда нѣмецкій народъ созналъ свое политическое и національное призваніе, и это сознаніе вступило въ борьбу съ преданіями и стремленіями чисто внутренними, обращенными исключительно на духовные интересы. Всѣ трое развивались въ различныя времена, но начало ихъ развитія совпадаетъ съ періодомъ униженія и порабощенія Германіи; народный позоръ сильно дѣйствовалъ на нихъ и невольно устремлялъ ихъ всеобъемлющіе умы на общественную дѣятельность, исполняя сердца самымъ горячимъ сочувствіемъ къ судьбѣ ихъ націй. Тяжкія народныя страданія сообщили ихъ характерамъ, сильнымъ отъ природы, такую желѣзную твердость, что потомкамъ ихъ въ слѣдующемъ разслабленномъ поколѣніи она казалась даже излишнимъ упрямствомъ и заносчивостью, достойною порицанія. Въ нихъ нѣмецкій народъ видѣлъ людей, ему сочувствовавшихъ, неразрывно связавшихъ свою литературную дѣятельность съ его радостями и страданіями; онъ уважалъ въ нихъ народныхъ писателей, служившихъ народному дѣлу даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя по объему, формѣ и содержанію были всего менѣе народны и принадлежали повидимому къ чисто ученымъ и спеціальнымъ.

Таковъ былъ даже тотъ между ними, который никогда не принималъ непосредственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, который прямо порицалъ всякое стремленіе къ популярности въ наукѣ, отличался самымъ рѣзкимъ характеромъ, и съ самою суровою строгостью любилъ бичевать слабости нѣмцевъ, — именно Шлоссеръ. Было время, когда вся Германія единодушно удивлялась въ этомъ человѣкѣ огромной начитанности, обширной учености и умѣнью пользоваться своими знаніями; — когда всѣ глубоко уважали его за его свободный политическій образъ мыслей и за смѣлость, съ какою онъ высказывалъ его, что было большою рѣдкостью въ нѣмецкомъ кабинетномъ ученомъ прошлаго столѣтія; — когда его строгая нравственная проповѣдь и критика возбуждали родъ нѣмага благоговѣнія. Въ это время я, его благодарный ученикъ, сидѣлъ у ногъ его въ Гейдельбергѣ и съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его и тогда, когда онъ оживлялъ свои чтенія отдѣльными замѣчаніями, которыя обнаруживали глубокое знаніе свѣта и людей и разъясняли для меня разнообразныя вопросы и сомнѣнія, волнующіе юношескую душу, — и тогда, когда онъ рисовалъ въ величественныхъ картинахъ эпохи развитія человѣческаго рода, и передъ моимъ юнымъ умомъ съ шумомъ растворялись врата исторіи. Въ то время я могъ только чувствовать все значеніе этого человѣка въ исторической наукѣ для нѣмецкой страны и народа, могъ только вѣрить въ его высокое достоинство; и общественное мнѣніе не разрушало во мнѣ этой вѣры. Если я прямо и откровенно скажу, что я и теперь еще не потерялъ вѣры въ великое значеніе этого человѣка, то меня многіе, можетъ быть, назовутъ пристрастнымъ и упрекнуть въ излишней благодарности и въ робости сужденій бывшаго ученика, который всегда остался ученикомъ. Вѣдь въ настоящее время въ Германіи мнѣнія о Шлоссерѣ не такъ единсгласны, какъ были прежде.

Въ такія времена, когда движеніе совершается съ неслыханною быстротою, очень естественно можетъ случиться, что надъ ученымъ изслѣдователемъ одержать верхъ соперники, принимающіе участіе въ разрушительной дѣятельности молодого, подвижнаго поколѣнія; тогда вкусы и потребности минуты не находятъ себѣ удовлетворенія у писателя, который жилъ очень долго; тогда обыкновенно забываютъ отношеніе его сочиненій ко времени ихъ происхожденія и упускаютъ изъ виду то значеніе, какое они имѣли преимущественно для этого времени. При всеобщемъ развитіи въ Германіи учености, затрогивавшей современные, жизненные вопросы, естественно, ученость Шлоссера должна была нѣсколько потерять во мнѣніи общества. Роскошно развившаяся и дорожившая изящными формами литература отодвинула на задній планъ простыя и безыскусственныя сочиненія Шлоссера. Читающая публика, избалованная свой вкусомъ и чувствомъ привлекательнымъ, изящнымъ чтеніемъ, невольно отворачивалась отъ суровой строгости старомоднаго нравственнаго судьи. Въ пишущемъ мірѣ мало-помалу образовался кружокъ систематическихъ противниковъ, рѣшившихся отомстить за нападки, рѣзкости, обиды, можетъ быть, даже незаслуженныя, которыя они лично и непосредственно вытерпѣли отъ Шлоссера во все время его многолѣтней критической дѣятельности. Были между ними люди

ученые и они вели споръ основательно, съ знаніемъ дѣла и съ достоинствомъ. Но были между ними также и неопытные послѣдователи противоположныхъ направленій, отличавшіеся въ спорахъ только рѣзкостью и школьною нетерпимостью; ставя на пьедесталъ учителей своей школы, они укоряли нѣмецкій народъ въ слѣпомъ и очевидномъ заблужденіи за то, что онъ считалъ Шлоссера великимъ историкомъ и читалъ его сочиненія съ большею охотою, чѣмъ сочиненія многихъ, если не всѣхъ, современныхъ его противниковъ. И такъ какъ всякое новое мнѣніе находитъ толпу безразсудныхъ послѣдователей, то въ Германіи скоро распространился взглядъ на Шлоссера, вмѣсто прежняго глубокаго уваженія, выражавшій какое-то презрѣніе къ нему. Способъ изложенія Шлоссера находили труднымъ и невразумительнымъ по его безпорядочности и отсутствію всякаго метода. — Его ученую критику считали просто только страстнымъ желаніемъ порицать безъ разбора все, кромѣ своихъ собственныхъ сочиненій. — Его нравственную критику находили узкою за ея односторонній масштаб брюзгливой мѣщанской морали, которая унижала всякое историческое величіе. — Въ его политической критикѣ видѣли постоянное колебаніе сюда и туда, отрицаніе всякой формы правленія, всякаго національнаго характера и народнаго быта; всѣ они представлялись ему одинаково негодными. — Наконецъ его взглядъ на общій ходъ исторіи называли запутаннымъ и видѣли въ немъ безпорядочный хаосъ, въ которомъ нельзя достигнуть никакой цѣли и нигдѣ нельзя найти успокоенія.

Всѣ эти упреки имѣютъ видъ справедливости и до нѣкоторой степени не лишены основанія. Но они не могли разрушить того перваго инстинктивнаго мнѣнія, какое составилось въ Германіи о Шлоссерѣ; они никогда не могли поколебать моихъ прежнихъ убѣжденій въ значеніи этого необыкновеннаго человѣка. Противники Шлоссера, порицая его за рѣзкія и пристрастныя сужденія, сами были несправедливы къ нему. Несправедливость эта состояла не въ томъ только, что они видѣли въ немъ одни недостатки и не признавали его достоинствъ: они судили объ немъ поверхностно и не хотѣли объяснять его ошибокъ тѣми основаніями, которыя лежали въ самомъ существѣ и полнотѣ его характера. Даже въ самыхъ слабыхъ натурахъ можно наблюдать то коренное свойство человѣческаго духа, по которому всѣ недостатки и достоинства извѣстной личности находятся въ самой тѣсной связи между собою; не рѣдко же особенное преимущество избранныхъ натуръ обнаруживается именно въ томъ, что чѣмъ цѣльнѣе, выше и основательнѣе развитъ въ нихъ умъ и характеръ, тѣмъ неразрывнѣе и нераздѣльнѣе переплетаются у нихъ тѣ общіе корни, изъ которыхъ вырастаютъ ихъ хорошія и дурныя качества. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ точки зрѣнія и отъ того, желаютъ ли разсматривать однѣ только тѣни, или вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить и свѣтъ, который образуетъ эти тѣни.

Недавняя утрата этого человѣка обязываетъ меня хоть сколько-нибудь содѣйствовать безпристрастной и правильной оцѣнкѣ его всѣми средствами, какія находятся въ моихъ знаніяхъ и моемъ опытѣ. Въ этомъ важномъ случаѣ, произнося судъ надъ мертвымъ, я буду говорить съ полною откро-

венностью и безпристрастіемъ, измѣнить которымъ не позволяетъ мнѣ воспоминаніе о нравственныхъ правилахъ покойника и о его личномъ характерѣ. Поэтому было бы совершенно неумѣстно на всѣ рѣзкіе и опредѣленные упреки, высказанные противъ него, отвѣчать пошлыми фразами или опровергать ихъ общими мѣстами. Каждый будетъ имѣть больше довѣрія къ моему дѣлу, если я буду вести его прямо, основательно и безпристрастно.

Такимъ образомъ противникамъ, порицающимъ небрежную безпорядочность въ сочиненіяхъ Шлоссера, я могу представить еще новыя доказательства въ пользу ихъ мнѣнія, и въ то же время не лишусь возможности защитить и себя, и его. Дѣйствительно, нѣтъ произведеній ни одного автора, которыя были бы такъ небрежны и безпорядочны, казались бы такими неполными и незаконченными, какъ историческія сочиненія Шлоссера. Своимъ происхожденіемъ они обязаны самымъ разнообразнымъ мотивамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, случайному расположенію и желанію, постороннему поводу и чужому побужденію; продолженіе ихъ, обработка и объемъ также часто и случайно измѣнялись и принимали тотъ или другой видъ. Въ своей юности (такъ писалъ онъ самъ), колеблясь между философіей и богословіемъ, между церковной исторіей и изученіемъ классической древности, сочинялъ онъ разныя біографіи и монографіи, выбирая предметы для нихъ повидимому совершенно безразлично изъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, на Востокъ и на Западъ. Читая во Франкфуртѣ лекціи по исторіи философій, онъ началъ съ 1811 года заниматься древней исторіей и обработалъ первый томъ своей Всемирной исторіи (1815). Впослѣдствіи, прекративъ чтеніе лекцій, онъ продолжалъ писать вторую часть своего сочиненія, главнымъ образомъ для себя, какъ тетрадь для собственнаго употребленія; въ третьей части онъ опять перемѣнилъ тонъ, чтобы дать возможность и другимъ читать и понимать его сочиненіе. На четвертой части онъ совсѣмъ остановился, и въ то же время сомнительные труды Риса и Лудена побудили его ревностно заняться разработкой всей средневѣковой исторіи. Потомъ онъ вдругъ перескочилъ къ XVIII вѣку (1823), предназначая сочиненіе объ немъ первоначально для себя, въ руководство при своихъ чтеніяхъ; развивъ его нѣсколько подробнѣе, по совѣту А. Гумбольта, Шлоссеръ и въ этомъ видѣ, по его собственному признанію, отложилъ его въ сторону, какъ неполное и несовсѣмъ понятное безъ его устныхъ объясненій. Затѣмъ послѣдовало общее обозрѣніе исторіи древняго міра (1826); сначала онъ излагалъ его кратко, потомъ подробнѣе, и наконецъ заключительная часть вышла такая, что вмѣстѣ съ указателемъ могла составить цѣлый томъ. По окончаніи его явилась переработанная исторія XVIII вѣка съ подробными литературными отдѣлами, заимствованными, очевидно, изъ его черновыхъ тетрадей, никогда не предназначавшихся для печати. Не окончивъ этого сочиненія, принятаго всѣми съ восторгомъ, онъ снова оставилъ его, чтобы прибавить къ своей исторіи среднихъ вѣковъ два тома о XIV вѣкѣ, обработанные не вездѣ по одному плану, потому что онъ обѣщалъ ихъ издателю. Въ это же время въ угоду своему другу Берхту издавалъ онъ историческій архивъ и по просьбѣ товарища Бера писалъ множество критическихъ статей

въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ. Затѣмъ, по неотступной просьбѣ Гререра и Франка, онъ далъ свое согласіе на популярную переработку различныхъ его сочиненій въ одну общую Всемирную исторію, которая потомъ перешла въ другія руки, и въ которой онъ пополнилъ большой пробѣлъ XV — XVII вѣка, обработанный менѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Безъ сомнѣнія, весьма трудно найти у какого-нибудь другаго писателя столько различныхъ побужденій и цѣлей въ неутомимой и обширной литературной дѣятельности и соответствующее этому разнообразію, неровность и отсутствіе тщательной обработки въ изложеніи.

Впрочемъ среди этой смѣси мотивовъ, побуждавшихъ нашего историка къ трудамъ, мы находимъ одну постоянную точку зрѣнія, одну основную цѣль, которая, при всей кажущейся прихотливости и безпорядочности, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ особенностями натуры Шлоссера и ея характеристическими достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно объясняетъ существенныя черты его метода изложенія, которыя могли показаться отсутствіемъ всякаго метода. Принужденный внѣшними обстоятельствами сдѣлаться учителемъ исторіи прежде, чѣмъ онъ усвоилъ себѣ историческія знанія во всемъ ихъ объемѣ, и не находя въ нѣмецкой литературѣ печатныхъ, основныхъ руководствъ для своихъ занятій, Шлоссеръ долженъ былъ ткать для другихъ въ то время, когда еще самъ былъ занятъ собственнымъ ученіемъ и весь погруженъ въ изученіе источниковъ. Такимъ образомъ, собирая матеріалы для себя и составляя записки для своихъ слушателей, онъ пріобрѣлъ привычку дѣлать публику свидѣтельницами своихъ кабинетныхъ предварительныхъ занятій. Это вполне объясняетъ его манеру писать, которую онъ, благодаря своей сильной натурѣ, съ самаго начала такъ усвоилъ себѣ, что впослѣдствіи при всемъ своемъ желаніи не могъ совершенно ее оставить. Онъ самъ сознавалъ, и часто высказывалъ какъ необходимо дополнять его труды другими сочиненіями о тѣхъ же предметахъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ очень охотно упускалъ все, что было достаточно обработано другими. Такъ напримѣръ, исторію иконоборческихъ императоровъ онъ хотѣлъ первоначально изложить такимъ образомъ, чтобы читатели ея необходимо должны были имѣть подъ рукою Гиббона. Даже въ своей Всемирной исторіи, въ которой вообще соблюдено больше порядка, онъ имѣлъ намѣреніе ограничиться одними „указаніями“ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось предметовъ общеизвѣстныхъ; чтобы не повторять сужденій, высказанныхъ другими, онъ писалъ римскую исторію и исторію крестовыхъ походовъ такъ, что ее могъ понимать только читатель, знакомый съ Нибуромъ и Вилькеномъ. Вообще всѣ сочиненія его предназначались не для тѣхъ людей, которые ничего не читали прежде. Имѣя въ виду это, онъ очевидно считалъ форму изложенія дѣломъ второстепеннымъ. Въ своей „преднамѣреніи и по самому предмету сухой книгѣ“ о среднихъ вѣкахъ онъ излагаетъ одни только голые факты, заботясь болѣе о содержаніи и повѣркѣ источниковъ, нежели о колоритѣ и живописномъ изложеніи; онъ предполагалъ, что понимающій дѣло человѣкъ часто обращаетъ больше вниманія на примѣчанія, чѣмъ на текстъ, а на самый текстъ смотритъ

какъ на примѣчанія. Такимъ образомъ его историческія сочиненія всегда были ничто иное, какъ родъ постоянной критики источниковъ и свода ихъ; и тамъ, гдѣ онъ прямо и исключительно становится на эту точку, какъ напримѣръ въ своей статьѣ о панегиристахъ и порицателяхъ Наполеона, помѣщенной въ историческомъ архивѣ Берхта, тамъ онъ и другимъ кажется и самъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, потому что тамъ онъ, точно у себя дома, держится совершенно непринужденно и наиболѣе вѣренъ самому себѣ. Отъ этой особенности Шлоссера зависѣло отсутствіе методики, небрежность слога, бѣглость въ изложеніи и многіе другіе недостатки даже относительно того, что онъ считалъ самымъ важнымъ и священнымъ въ своей дѣятельности, именно содержанія матеріаловъ и группировки фактовъ. Слѣдуя болѣе счастливому вдохновенію, нежели филологически точнымъ основаніямъ и изслѣдованіямъ, онъ писалъ съ поспѣшностью, при которой неизбѣжны были частныя ошибки и слишкомъ скорыя заключенія. Нѣтъ надобности отыскивать ихъ: онъ откровенно указалъ на нихъ самъ. Иногда изъ-подъ пера его сорвется анахронизмъ въ 100 лѣтъ; иногда у него представляются выигранными сраженія, которыя на самомъ дѣлѣ были проиграны; онъ называетъ потерянными классическія творенія, которыя сохранились; надежда на свою твердую память измѣняла ему въ такихъ случаяхъ. Равнодушный къ вспомогательнымъ второстепеннымъ отраслямъ исторіи, онъ пренебрегалъ отдѣльными генеалогическими, хронологическими, географическими замѣчаніями и частными вопросами, которые для „дѣтей и педантовъ“ составляютъ самое главное въ исторіи, и такъ же охотно позволялъ Берхту и Кригку исправлять свой слогъ, какъ охотно поручалъ разсматривать подобныя мелочи Нибуру и Миллеру при случайныхъ встрѣчахъ съ ними. Его живая любознательность не позволяла ему слишкомъ долго останавливаться на мелкихъ незначительныхъ подробностяхъ; этой живости, сообщившей его ученымъ стремленіямъ такой обширный и удивительный объемъ, онъ жертвовалъ иногда основательностью. Гдѣ можно найти другаго историка, который бы самостоятельно разобралъ всю область исторіи по первоначальнымъ источникамъ во всемъ обширномъ объемѣ? Уже въ 1823 году онъ составилъ планъ, окончивши исторію среднихъ вѣковъ, присоединить къ ней новѣйшую исторію и даже въ 1830 году не оставлялъ мысли обработать новую исторію по образцу своего всемірно-историческаго обзрѣнія. Но когда Шлоссеръ увидѣлъ, что для этого не хватитъ его силъ и жизни, то честолюбіе заставило его согласиться на изданіе популярной всемірной исторіи, чтобы по крайней мѣрѣ хоть этимъ способомъ пополнить пробѣлъ съ 14 до 17 вѣка: „чтобы все-таки что-нибудь цѣлое“ — говаривалъ онъ въ наивной радости, не dokonчивая (по своей привычкѣ) понятной мысли.

Эта растянутасть, небрежность и неполнота составляли слабую сторону въ сочиненіяхъ Шлоссера и дали критикамъ его обильную пищу. Настоящаго, хотя бы и самаго строгаго, но достойнаго его критическаго разбора его трудовъ не было; потому что наша критика не обращаетъ вниманія на сочиненія тѣхъ, которые не принадлежатъ къ литературнымъ партіямъ.

Нѣкоторые недостатки и ошибки были указаны ему въ анонимныхъ письмахъ издателями, истинными и ложными друзьями, и въ то же время появились противъ него статьи другаго рода, въ которыхъ кліенты покровительствуемыхъ въ Пруссіи историческихъ и философскихъ школъ только превозносили своихъ собственныхъ учителей. При такомъ положеніи вещей Шлоссеру, не боявшемуся порицаній и не желавшему похвалъ, ничего не оставалось дѣлать для поддержанія собственнаго достоинства, какъ хранить молчаніе, и не обращать вниманія на лай „литературныхъ собакъ“. Кто въ ученомъ мірѣ не знаетъ по собственному опыту того прискорбнаго факта, что глубокомысленный философъ, возвышенный поэтъ и проницательный историкъ должны выслушивать сужденія и приговоры отъ вздорныхъ говоруновъ, которые занимаются критикой какъ ремесломъ для пріобрѣтенія куска хлѣба? Многіе, подвергшіеся такому суду, скрываютъ свое негодование изъ приличія и по благоразумію; такой человѣкъ, какъ Шлоссеръ, не долженъ былъ негодовать уже по одному чувству собственнаго достоинства. Но его раздражали нападки другихъ на тѣ недостатки, которые самъ же онъ указалъ въ своихъ сочиненіяхъ, и онъ началъ (1817) въ своихъ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, а потомъ въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ отвѣчать на эти нападки въ своихъ ученыхъ критикахъ. Съ совершенною беззащитностію сталъ онъ прямо высказывать все то, что обыкновенно скрываютъ другіе, обнаружилъ мелкую раздражительность, обидчивость, зависть всякой похвалѣ, которая не касалась его, презрѣніе къ чужимъ указаніямъ, нетерпимость и ѣдкость въ сужденіяхъ о каждомъ направленіи, несогласномъ съ его собственнымъ; — все это такія черты, которыя, казалось, обнаруживали недостатокъ самообладанія, терпимости и безпристрастія, способны были бросить тѣнь на характеръ человѣка и показывали какъ будто онъ совершенно предался страсти къ противорѣчіямъ и къ порицанію. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это были случайныя вспышки, которыя противорѣчили самымъ задушевымъ правиламъ Шлоссера. Онъ даже самъ сознался въ нихъ. Въ предисловіи ко второй части своей исторіи среднихъ вѣковъ (1821) онъ извинялся въ слишкомъ рѣзкомъ порицаніи недостатковъ людей, вообще очень достойныхъ, ясно сознавая, что завистливое униженіе другихъ и презрѣніе къ нимъ легко могутъ довести до надменности. Однакожъ преобладающія черты его сильной и прямой натуры всегда брали перевѣсъ надъ требованіями условныхъ приличій, и конечно, указанные особенности Шлоссера можно причислить къ тѣмъ недостаткамъ, которые неразрывно связаны съ его добродѣтелями. Насиловать свою прямую и честную натуру было для него невозможно во всякихъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе въ ученомъ. Очарованный личностію герцогини де Сень-Ле, приславшей ему свои записки, онъ однакожъ сказалъ ей прямо, что, не смотря на все ихъ остроуміе, ничего не можетъ извлечь изъ нихъ для своей цѣли. Онъ былъ друженъ съ Грегуаромъ и открыто принималъ его въ изгнаніи, но въ исторіи 18 столѣтія съ самою наивною откровенностію говорилъ объ его удивительномъ ослѣпленіи. Даже самого Данте подвергъ онъ своей придирчивой и щепетильной критикѣ, обыкно-

венной въ его сочиненіяхъ, — Данте, которому онъ удивлялся съ такимъ энтузіазмомъ и у котораго учился строгому безпристрастію въ отношеніи къ своимъ собственнымъ единомышленникамъ: какъ же можно было отъ такого служителя истины требовать снисходительности къ школьнымъ мудрецамъ его времени и къ литературнымъ противникамъ, питавшимъ къ нему непримиримую ненависть.

Тотъ судилъ бы слишкомъ поверхностно и несправедливо, кто сталъ бы утверждать, что Шлоссеръ порицалъ рѣшительно все, и что страсть къ порицанію всегда происходила у него отъ досады и желчи. О многихъ современныхъ и отечественныхъ историкахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ серьезное, самоотверженное стремленіе къ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ въ виду разысканіе истины, онъ всегда отзывался съ уваженіемъ и признательностью, безъ всякой мелкой завистливости. Таковы напр. Масковъ, Мезеръ, Планкъ, Вилькенъ, Ремъ, а особенно Шпиттлеръ, его учитель въ Геттингенѣ; нужно было самому слышать отзывы Шлоссера о Шпиттлерѣ, чтобы убѣдиться, какимъ благоговѣніемъ онъ былъ проникнутъ къ этому дѣйствительно замѣчательному человѣку, и какъ неизмѣнны были его чувства къ нему. Когда онъ замѣчалъ въ комъ-нибудь различіе тѣхъ воззрѣній, которыя были для него священны въ жизни и существенны въ наукѣ, тогда только отвращеніе его не имѣло предѣла и выражалось съ такою силой, при которой скрывать или сдерживать свое неудовольствіе оказывалось для него рѣшительно невозможнымъ. Но нельзя указать ни одного случая, когда бы онъ взялся судить и рядить о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ, не имѣя объ нихъ точнаго понятія. Въ Гиббонѣ онъ уважалъ долго, а въ *Ж. Миллерѣ* всегда, строгаго критика источниковъ; его нерасположеніе къ первому возникало постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ узнавалъ его неточность и открылъ источникомъ ея — риторическую напыщенность, которая непріятно поражала его уже въ *Миллерѣ* и сдѣлалась для него отвратительной въ обоихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ разочароваться въ политическомъ характерѣ *Миллера* и замѣтилъ въ *Гиббонѣ* сочувствіе къ свѣтскимъ развратнымъ господамъ и повѣсамъ. Но въ нерасположеніи его къ этимъ современникамъ нисколько не участвовало чувство какой-нибудь личной непріязни, потому что такое же нерасположеніе онъ обнаруживалъ иногда къ *Діодору*, *Ксенофону* и *Саллюстію*, писателямъ давно минувшихъ временъ. Шлоссеръ съ одинаковымъ негодованіемъ возставалъ всегда противъ нравственной испорченности, противъ отсутствія правилъ въ жизни, противъ пустой мишуры въ наукѣ, риторическихъ украшеній, поэтическихъ манеръ, прагматическихъ характеристикъ и душевныхъ картинъ, противъ живописной романтичности, искусственныхъ поддѣлокъ подъ древность и стремленій сохранить колоритъ времени въ историческихъ изложеніяхъ. И какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ ясныя основанія, вытекавшія изъ его цѣлостной натуры, удаляли его отъ историческихъ корифеевъ, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ уважалъ постоянно; но случайныя его выходки и нападки на другихъ, которыхъ онъ не назы-

валъ по именамъ, давали поводъ заключать, что его сужденіями руководила придирчивость и мелкая досада.

Такъ напр., замѣчая въ Дальманѣ стремленіе соединить теорію съ практикою, историка возвысить до государственнаго человѣка, Шлоссеръ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дальману за его прямой, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный характеръ, не одобрялъ его стремленій, и, не смотря на то, что самъ же всегда стремился отъ буквы науки къ ея духу, отъ книги въ жизнь, высказывалъ совершенно противоположный взглядъ, которому онъ остался вѣренъ навсегда. Для него наука стояла совершенно отдѣльно отъ жизни, которая должна „сама управлять собою“, такъ какъ только настоящій практическій человѣкъ можетъ дѣйствовать сообразно съ жизненными потребностями и дѣйствовать твердо тамъ, гдѣ бы полужнающій постоянно колебался.

Такія мысли, доведенныя до крайности, могли казаться односторонними; но ихъ не должно понимать строго буквально. Или ужъ должно взвѣшивать строго каждое слово, и тогда односторонность исчезнетъ при двойномъ противорѣчьи, которое часто встрѣчается въ выраженіяхъ Шлоссера. Онъ не соглашался на соединеніе теоретика съ практикомъ въ одномъ лицѣ, роль эта представлялась ему неудобною уже по причинѣ разбѣденія силъ, и онъ лично ни въ какомъ случаѣ не былъ способенъ разыгрывать ее. Но отдѣлить науку отъ жизни невозможно, если она, по выраженію Шлоссера, „должна давать образецъ для жизни“: на эту-то часть его фразы и нужно обращать особенное вниманіе. Одна крайность вызываетъ другую, совершенно противоположную и дѣло разъясняется. Когда Штейнъ составилъ планъ собрать всѣхъ нѣмецкихъ историковъ, Шлоссеръ отказался участвовать въ этомъ національномъ дѣлѣ. Онъ указалъ при этомъ только на второстепенныя причины отказа; главнѣйшая же заключалась въ томъ, что онъ невольно сознавалъ необходимость тѣснаго сближенія науки съ жизнью, а отъ этой задачи отвлекли бы его труды по исторической филологіи. Науку эту онъ вполне уважалъ, но лично сознавалъ себя еще менѣе способнымъ къ ней, нежели къ дѣятельности государственнаго человѣка.

Отъ этого сочувствія Шлоссера къ жизненнымъ интересамъ явилась въ немъ рѣшимость заниматься собственно настоящей исторіей, оставляя въ сторонѣ кропотливыя изслѣдованія вспомогательныхъ, второстепенныхъ наукъ, всю антикварную, археологическую и миѣологическую мудрость. Онъ, подобно Фукидиду, Макіавелли и другимъ историкамъ въ духѣ новѣйшей образовательной школы, — признавалъ, что въ исторіи важнѣе всего теченіе событій, а не описаніе извѣстныхъ постоянныхъ и неизмѣняющихся положеній и отношеній, „не измѣреніе пространства, какъ онъ самъ выражался, а исчисленіе моментовъ.“ Это была не прихоть и не упрямство, но обдуманнѣйшій принципъ, вслѣдствіе котораго онъ всѣ до-историческія сказанія, миѣическія и религіозныя повѣствованія исключалъ изъ исторіи въ строгомъ смыслѣ, и считалъ ихъ только подготовкой къ изученію исторіи. По его мнѣнію, историкъ не долженъ бродить съ своими изслѣдованіями въ

хаосъ древнихъ временъ, среди болотъ варваровъ и лѣсовъ браминовъ, но искать свѣта въ воздѣланныхъ, ясныхъ странахъ исторіи. Онъ уважалъ и цѣнилъ богатую результатами историческую критику Нибура, филологическую мозаику Отфрида Миллера, но ему казалось, что благоговѣніе предъ сомнительными результатами, полученными изъ изученія миѳовъ, древностей и надписей, можетъ вытѣснить ясную и свѣтлую исторію, и критическая микрологія распространится до того, что унизитъ самую исторію и сдѣлаетъ ее вспомогательною наукою филологіи.

Такимъ же точно отрицательнымъ образомъ относился Плоссеръ и къ другому дипломатически-архивному историческому методу, господствовавшему въ школѣ Ранке. Ничто такъ не характеризуетъ многосторонности германскаго духа, какъ одновременное возникновеніе и совмѣстное существованіе этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на цѣль и методъ исторіи; они взаимно дополняютъ другъ друга, что есть у одного, того нѣтъ у другаго, и что имѣетъ другой, того недостаетъ первому. Оба метода существенно критическіе и равно отрывочны. Оба предполагаютъ въ читателѣ знакомство съ другими историческими книгами и не хотятъ повторять того, о чемъ уже говорилось тысячу разъ. Одинъ методъ беретъ историческій матеріалъ во всемъ его объемѣ и употребляетъ его въ дѣло въ видѣ сухаго лѣтописнаго разсказа, но освѣщеннаго со всѣхъ сторонъ; здѣсь при безпорядочной, неравномѣрной и безыскусственной обработкѣ теряется цѣлость исторіи, и она распадается на отрывочныя повѣствованія. Другой методъ, не касаясь всего матеріала, избирая отдѣльные моменты и представляя ихъ съ частныхъ точекъ зрѣнія, въ формѣ изложенія мемуаровъ, старается на противъ изъ отрывковъ составить связное цѣлое. Одинъ дополняетъ существующія историческія сомнѣнія, такъ сказать, пропущенными, просмотрѣнными мѣстами уже извѣстныхъ источниковъ, другой ищетъ дополненій въ памятникахъ и свѣдѣніяхъ, еще никому неизвѣстныхъ. Въ этомъ разыскиваніи и открытіи неизвѣстнаго послѣдователи втораго метода находятъ главную прелесть историческихъ занятій и считаютъ свои занятія полезными и необходимыми, даже если бы открытія, сдѣланныя ими, „сами по себѣ и не имѣли большой важности.“ Противъ этого очень неглубокаго взгляда защитники перваго метода, невольно смущаемые подавляющимъ громаднымъ количествомъ уже открытыхъ и извѣстныхъ матеріаловъ, дѣлаютъ такое серьезное и значительное возраженіе: исторія не можетъ, подобно другимъ наукамъ, оставлять въ сторонѣ и сдавать въ архивъ устарѣвшія или рѣшенныя дѣла, напротивъ того ея исключительное свойство и состоитъ въ томъ, что, при безостановочномъ развитіи народовъ, она накапливаетъ необозримую массу матеріаловъ, увеличивающуюся въ огромной пропорціи; поэтому — прежде всего необходимо подумать о томъ, какъ бы въ этомъ чрезмѣрномъ обиліи матеріаловъ ограничиться однимъ безусловно важнымъ. Для этой цѣли нужно въ тѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые представляются незначительными по отсутствію въ нихъ духовныхъ интересовъ, искать только общаго духа и сущности исторіи; въ другихъ же, представляющихъ духовный интересъ, ограничиться основательнымъ изслѣдо-